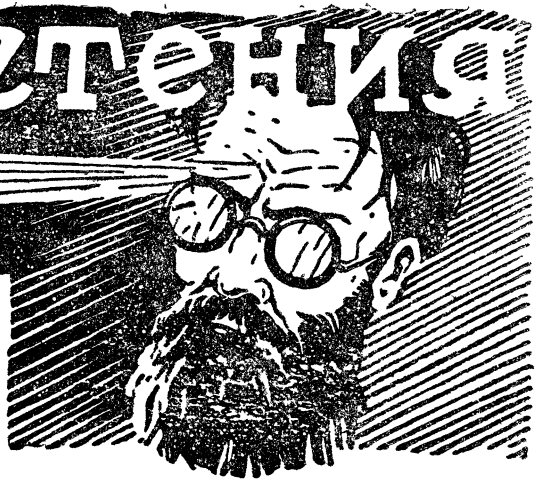

ИЗОБРЕТЕНИЕ

профессора Вагнера

Материалы к его биографии, собранные А. Беляевым

Рисунки худ. Б. Шварца

Творимые легенды и апокрифы

1 Человек, который не спит.

Иван Степанович Вагнер, профессор 1-го Московского университета по кафедре биологии, давно известен своим ученым коллегам как исключительно разносторонний ум, талантливый изобретатель и смелый экспериментатор. Широкой же публике Вагнер стал известен всего пять лет назад, когда ему пришлось выступить в качестве обвиняемого по так называемому «собачьему» делу в народном суде.

У меня сохранились газеты того времени. Вот как в одной из них корреспондент присутствовавший на суде, описывает внешность профессора Вагнера:

«В его каштановых волосах, окладистой русской бороде и нависших усах можно было заметить только несколько серебристых волосков. Свежий цвет лица, румяные щеки и блестящие глаза говорящие о здоровье. Ему нельзя было дать более сорока лет».

А в это время профессору Вагнеру было за пятьдесят.

Обвинялся он в похищении собак для производства научных опытов. На суде выяснялись очень интересные обстоятельства. Оказывается, профессор Вагнер изобрел средство от усталости, а также средство против сна; сон же, по словам профессора, представляет собой болезнь.

Вагнер поставил себе задачей охватить большее количество знаний, чем то, которое может вместить человеческий мозг. И профессор добился этого благодаря тому, что, не нуждаясь в отдыхе и сне, мог работать почти двадцать четыре часа в сутки. Кроме того, путем тренировки он выработал способность думать обеими половинками мозга независимо одна от другой. Его глаза двигались также независимо один от другого, и Вагнер мог таким образом наблюдать за несколькими явлениями сразу. Он мог писать одновременно правой и левой рукой...

Все это и многое другое выяснилось на «собачьем» процессе, и имя профессора Вагнера сразу сделалось известным публике, читающей газеты. Его так и называли: «Человек, который не спит».

Я был одним из тех, которые заинтересовались профессором Вагнером. Мне очень хотелось познакомиться с ним. Случай пришел мне на помощь. Я познакомился с Вагнером в Крыму, в Семензе, мы имели с ним несколько интересных бесед.

Потом Вагнер куда-то исчез. Вообще он довольно часто меняет места жительства, что не мешает ему читать лекции в Московском университете. Для этого он пользуется радиопередачей. И только для практических занятий он является в Москву на месяц или на два. Все его

ученики преуспевают, и университетское начальство не возражает против такого заочного метода обучения.

Итак, он исчез, хотя его голос пунктуально слышался в аудитории. Слухи о его необычайных опытах и изобретениях продолжали передаваться из уст в уста. Я тщательно записывал эти рассказы. Некоторые из них казались мне настолько неправдоподобными, что я ставил в записной книжке на полях знак вопроса, чтобы проверить правдивость рассказа, когда встречу Вагнера или узнаю его адрес. Говорили, что он в Ленинграде занимается какими-то радиоопытами, что собирается на Новую Землю, но адреса он никому не сообщал. И лишь недавно он неожиданно напомнил о себе. На своем коротковолновике однажды вечером я принял от него радиотелеграмму. Он слал мне привет и сообщал адрес.

Я тотчас же переписал все рассказы о его изобретениях, которые мне пришлось услышать, и послал ему, прося сообщить мне, что в них правда и что ложь. Его ответ убедил меня, что мои опасения были не напрасны. Увы, более половины моих документов о профессоре Вагнере оказались апокрифами. Творимые легенды возникали на моих глазах. Среди этих легенд были не только рассказы об изобретениях Вагнера, но и любопытные эпизоды из его жизни. Для иллюстрации я приведу некоторые из этих выдуманных историй, прежде чем перейти к подлинным происшествиям. Во всех записях я старался дословно передавать речь рассказчиков.

II. Случай с лошадью.

На ежегодных скачках 21 мая 1926 г. в Ипсоне¹⁾ всеобщее внимание привлекал розыгрыш главного приза в пять тысяч фунтов стерлингов. Среди трехлеток прекрасных английских скакунов выделялись два претендента на первенство: светлорылая Лорелей и рыжий красавец Викинг. Большинство ставок было поставлено на этих двух лошадей, уже показавших свои необычайные качества на тренировочных пробегах. Но

Викинг, по всеобщему признанию, имел больше шансов на выигрыш.

Скачки начались. Не прошло и минуты, как Лорелей и Викинг выдвинулись из строя на голову, а еще через несколько секунд Викинг опередил своих соперников уже на полтора корпуса.

— Bravo, Викинг! — кричала иступленная толпа. Победа, казалось, была обеспечена за ним. Но вот на повороте случилось событие, которое, вероятно, надолго останется в памяти тех, кто присутствовал на этом дерби.

Викинг словно обезумел. Он не свернул на повороте, а понесся прямо на загородку, расшибся и упал. Налетевшие сзади лошади едва не раздавили бедного Викинга вместе с его жокеем. Избавившись от одной опасности, они попали в другую. Часть толпы, ставившая на Викинга, пришла в бешенство. Почтенные джентльмены, сами рискуя попасть под копыта лошадей, спрыгивали с трибун на скаковую дорожку с явным намерением растерзать предателя-жокея. Они не сомневались, что жокей был подкуплен владельцем Лорелей, крупным купцом, шелковым оптовиком. К счастью, опытный жокей не пострадал при падении. Он учел момент и побежал от гнавшей за ним толпы с такой скоростью, словно хотел принять участие в скачках вместо выбывшего из строя Викинга.

Злость и негодование проигравших на Викинге были так сильны, что многие из сбегавшихся к месту происшествия толкали Викинга в живот ногою. Это было безобразное зрелище. Толпа запрудила всю беговую дорожку. Пришлось на время прекратить скачки. Трибуны напоминали кратер вулкана, наполненный кипящей лавой. И эта лава человеческих страстей была не менее страшна чем магма²⁾.

Когда первое волнение улеглось, немедленно приступили к следствию. На помощь жокею во-время подоспел отряд полисменов, которые и спасли его от самосуда толпы. Жокей, конечно, клялся и божился, что он ни в чем не повинен и сам не знает, что с Викингом; обычно

¹⁾ Ипсон — местечко близ Лондона.

²⁾ Магма — огненно-жидкая масса внутри земного шара.

венно конь слушался малейшего движения руки. Толпа не верила словам жокея, но так как никто не мог доказать его виновности, следствие временно было направлено в иную сторону. Викинга подняли на ноги и тщательно осмотрели. Грудь его была серьезно повреждена, часть кожи и мяса сорвана, но это были свежие ранения от удара о загородку. Глаза и ноги лошади были как будто не повреждены. Она смотрела нормально. Викинга хлестнули хлыстом и посмотрели, как он пойдет. Шатаясь, Викинг двинулся вперед. Перед ним был столб. Викинг, как слепой, шел на столб, не сворачивая. И лишь ударившись грудью, остановился.

— Он ослеп! — послышались голоса.

Один джентльмен подошел и махнул перед глазами Викинга шляпой. Викинг невольно вздернул голову.

— Видит!

— Он помешался! — крикнул кто-то.

— Разве лошадь может помешаться? — возразили ему. — Они бесятся, но это бывает совсем иначе.

Викинга отвели от столба, стегнули, и он вновь пошел. Удивительное дело! Он шел только по прямой линии, не сворачивая ни направо, ни налево. В конце концов он зашел в тупик между двумя киосками и стоял там, словно он, сгорая со стыда, хотел уйти ото всех, никого не видеть. Опытные конюхи сразу определили, что Викинг без посторонней помощи не может выйти из тупика, в который зашел лишь потому, что тупик лежал на пути его прямолинейного странствования.

Теперь уже ни у кого не оставалось сомнения в том, что Викинг болен странной болезнью прямолинейности. Это не снимало обвинения с жокея, но все же несколько разбивало уверенность в том, что болезнь лошади — его рук дело. Жокеи слишком привязываются к лошадям, и было трудно допустить, что жокей мог пойти на такое преступление. Испортить лошадь могли чужие. Но как жокей не досмотрел?

Толпа опять бросилась к жокею:

— Болел чем-нибудь Викинг?

— Болел, — отвечал жокей. — Конюх говорил мне, что Викинг накануне скачек плохо ел и плохо пил. Мистер

Джиббс, владелец Викинга, даже хотел отказаться от участия на скачках, но мистер Томпсон, ветеринарный врач, сказал, что это пустяки и что к утру все пройдет. Он сам обещал наблюдать за Викингом. И действительно, мистер Томпсон пробыл в конюшне Викинга всю ночь...

Продолжение следствия было после скачек. И уже не толпа, а следователь допросил мистера Томпсона. Ветеринар уверял, что кроме легкого недомогания, которое произошло по вине конюха, нарушившего режим кормления, Викинг ничем болен не был. Да и в настоящее время он, Томпсон, затрудняется определить болезнь Викинга, хотя должен констатировать, что Викинг действительно болен: он может ходить лишь по прямому направлению.

Для диагноза болезни Викинга были привлечены лучшие силы медицины и ветеринарии, но никто ничего не мог понять. Прекрасная лошадь была испорчена. Но кем, когда и как? Викинг задал ученым неразрешимую загадку.

Вот тут-то на сцену и выступил профессор Вагнер, который в это время находился в научной командировке в Оксфорде. Прочитав в газетах о том, что никто не может понять болезнь Викинга, Вагнер написал письмо в редакцию:

«Викинг теперь стоит не дороже своей рыжей шкуры. Убейте Викинга, вскройте ему череп, и вы узнаете в чем заключалась его болезнь».

Это было сказано так решительно, словно Вагнер уже посмотрел, что делается в голове больного Викинга. А ведь Вагнера даже на скачках не было.

Владелец Викинга послушался этого совета и, убив лошадь, вскрыл череп. И что же обнаружилось? — У Викинга не хватало части мозга. Очевидно, подкупленный кем-то ветеринар ночью проделал эту операцию и так удачно зашил места сечения на голове лошади, что никто не заметил следов операции. Томпсон отрицал это преступление. Но в результате тщательного обыска были найдены улики, и в конце концов Томпсон сознался. За последнее время он получал столько угрожающих писем, что

в тюрьме почувствовал себя безопаснее чем на свободе.

После этого случая имя профессора Вагнера стало известно и в Англии...

(Сообщено т. А. А. К.)

* * *

Иван Степанович Вагнер написал на обратной стороне последнего листа этой рукописи:

«Выдумки. Ничего подобного со мной не было. В мае 1926 года за границу не выезжал. При двустороннем удалении лобных долей мозга у лошади, как и у собаки (над которыми я сам производил опыты), могли действительно обнаружиться такие странности: животное (конечно, и человек), лишенное лобных долей, обнаруживает непрочность статической координации, неспособность поворачиваться из стороны в сторону, благодаря чему оперированная таким образом собака всегда бежит по прямому направлению и, забившись в угол или в тесный закоулок, не в состоянии выйти оттуда без посторонней помощи.

«Как видите, все это похоже на случай с Викингом. Но... во-первых, я просматривал лондонские газеты за это время и не нашел ничего похожего на описанный вашим знакомым случай. Во-вторых, если бы этот случай произошел, то в Лондоне нашлось бы немало ученых, которые смогли бы понять болезнь Викинга, не представляющую ничего загадочного для всякого, кто изучает рефлексологию. А в Англии ее изучают не меньше, чем у нас. В-третьих, болезнь Викинга, конечно, обнаружилась бы на первом же повороте от его конюшни, и жокей не явился бы на скачки с такой лошастью».

III. О блохах.

Однажды приехал профессор Вагнер в Париж. Его пригласил к себе для научной консультации наш соотечественник доктор Воронов, тот самый, который занимается вопросом омоложения. Идет Вагнер по Парижу из гостиницы к Воронову и видит на одной улице дом, а на доме вывеска:

«Здесь дают представления ученые блохи».

Профессор Вагнер решил нанести визит своим ученым коллегам. Блохи оказались действительно замечательными. Танцевали кадрили, передвигали пушечки, катали друг друга в картонных экипажах, боксировали и даже катались на крохотных велосипедиках.

Владелец блошиной труппы, когда узнал, что его усатый посетитель — ученый, разговорился и показал Вагнеру самые лучшие номера. В заключение сеанса директор накормил всю труппу на собственной руке и отпустил отдыхать. После обеда блоха поспать любит.

— Одно плохо, — говорил владелец блошиного театра — уж очень малы ростом мои артисты. Теперь редко у кого встречается хорошее зрение. Если зрители очень низко наклоняются, то артисты их в нос щелкают, а издали мало кто видит. Через линзы смотреть тоже неудобно: блоха движется и то уйдет из поля зрения, то из фокуса выйдет. Но зато какие сильные и умные животные! Ведь они тянут тяжести, в несколько сот раз превышающие вес их тела. А их прыжки! Обыкновенная человеческая блоха имеет в длину 2,2 миллиметра самец и три-четыре миллиметра самка. Ну, и в высоту миллиметра два — два с половиной. А прыгать блохи могут вверх на целый метр. Да и вперед почти на столько же. Это значит — почти в пятьсот раз больше своего роста! Что же было бы, если бы блоха была ростом с человека?

— Да, — сказал Вагнер и задумался. Так, задумчивый, и к доктору Воронову пришел.

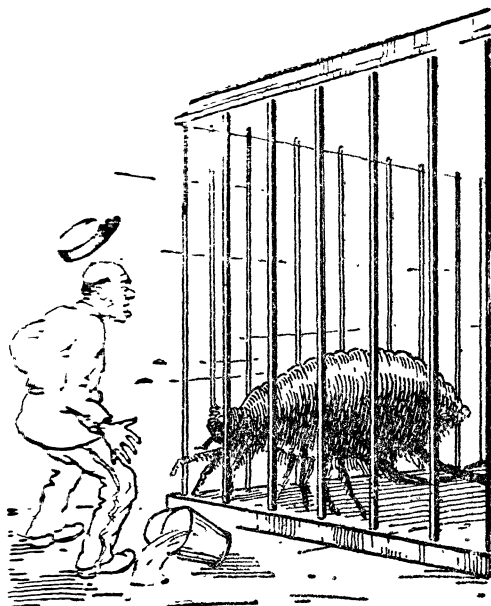
Воронов обрадовался дорогому гостю. Все свои новинки показывает: юношу лет восемнадцати — бывшего старика — и грудную старушку. Перелечили ее малость, и она превратилась в грудного младенца.

— Но это ничего. — говорит Воронов, — она у меня скоро вырастет и говорить начнет. Вот только не знаю, не придется ли ее заново языкам учить. Она хорошая лингвистка была.

Вагнер слушает, а сам этак сквозь усы: «Да, да, да...» А потом говорит:

— Все это очень хорошо. А блоху в рост человека вы можете сделать?

Воронов даже рот открыл.

А когда блохи протягивали сквозь прутья клеток щупальцы, — у сторожей ноги подгибались...

— Зачем? — спрашивает.

— Ради науки, для опыта.

— Нет, — говорит Воронов, — прямо скажу, не могу.

А сам даже покраснел от стыда.

— Так я и думал. А я сделаю, — заявляет Вагнер. — Дайте мне только помещение да блох побольше.

И начал Вагнер опыты делать. Парижанки ему блох приносили, а он кормил этих блох вытяжками из каких-то желез и витаминами «ижица».

Вырастил Вагнер дюжину блох ростом с черного таракана и подарил владельцу блошиного театра. Очень благодарил Вагнера владелец. Весь Париж ходил смотреть на диковинных блох, пока не случилась маленькая неприятность: одна блоха-таракан угодила в лоб самому господину президенту республики, отчего в голове его перепутались государственные дела первейшей важности. Крамольную блоху убили, а на остальных цепочки надели, чтобы слишком высоко не запрыгивали. Вагнера из-за этой блохи из Франции едва не выслали. Однако уцелел.

На полный человеческий вырост Вагнер пустил только две блохи, чтобы на корм меньше денег выходило. И стали эти две блохи расти не по дням, а по

часам. Держал он их в клетке на цепочке, а кормил кровью. Каждый день с боен в бочках кровь привозили.

Вы представляете себе, что такое блоха, если ее увеличить раз в тысячу? Нет зверя страшнее! Даже сторожа из зверинца, приставленные к этим блохам, тряслись от ужаса. А когда блохи протягивали сквозь прутья клеток свои щупальцы и жала, — у сторожей ноги подгибались, и они из комнаты убегали.

И вот случилось несчастье. Когда длина блохи-самки была равна ста семидесяти семи сантиметрам (самец имел рост немного меньше), а мускулы и челюсти сделались сильнее львиных, выскочила блоха-самка из клетки. Порвала цепи, прогрызла за ночь заднюю деревянную стенку и через дырку — прыг! ускакала.

А это было как раз в ночь под четырнадцатое июля — национальный французский праздник, взятие Бастилии. В этот день весь Париж на улице. И вдруг такое происшествие! Блоха в рост человека тоже как бы разрушила свою Бастилию, разорвала цепи и — прыг на улицу! А на улице народ с раннего утра уже толпится.

«Зверинец» Вагнера помещался на улице Кювье, рядом с Зоопарком. Блоха в несколько прыжков пересекла весь Париж. Она перескочила одним прыжком через винные склады, которые занимают целый квартал, вторым прыжком перемахнула через собор Парижской богородицы на другую сторону Сены, потом двинулась обратно, в два-три прыжка долетела до Дома Инвалидов, перепрыгнула его, следующим гигантским прыжком перелетела через Эйфелеву башню. Триста метров высоты не составляли для блохи никакого затруднения. Она перелетела башню еще на двести метров выше, при чем в воздухе едва не столкнулась со стайкой парадирующих аэропланов. Площадь Йены и площадь де-л'Этуаль были следующими этапами. Усевшись на Триумфальной арке, она решила отдохнуть.

Публика вначале с восторгом приветствовала появление крылатого «зверя». Все были уверены, что это один из замечательнейших номеров уличного карнавала. Может быть, какой-нибудь изо-

бретатель решил в этот день преподнести нации сюрприз — новый летательный аппарат типа вертолета с вертикальным подъемом и спуском. Для большего же эффекта изобретатель придумал своему аппарату такой чудовищный вид. Правда, об опытах Вагнера знал весь Париж. Но никто не предполагал, что блоха выглядит так чудовищно.

Скоро, однако, восторг толпы сменился ужасом. Блоха, отдохнув на Триумфальной арке, неожиданно прыгнула на улицу в гущу толпы и вдруг, схватив какого-то веселящегося гражданина своими щупиками, вонзила острый хоботок в левое плечо. Парижанин отчаянно закричал. Толпу охватил такой ужас, что все стояли несколько минут как окаменелые, а потом бросились бежать, словно их подхватила волна отлива. Блоха спокойно высосала граммов семьсот крови и, вынув хоботок, прыгнула на арку. Француз, побледневший от потери крови и испуга, упал. К счастью блоха не высосала всей крови, а ее в жилах француза было 5740 граммов. Потеря двух тысяч граммов угрожала бы смертью. Но блоха удовлетворилась меньшим. Может быть, так ей легче было прыгать. И она предпочитала пить кровь поменьше, но чаще.

Через несколько минут она опять слетела с арки, напала на какую-то старушку и всадила ей в спину хоботок. Отведав старушечьей крови, блоха вынула жало и обратила свой взор на молоденькую модистку. Блоха сделалась настоящим кровопийцей.

На место происшествия уже спешил отряд полиции. Но не успели полицейские дать залп, как блоха вскочила на арку, хотя уже и не так легко, как прежде.

Перепрыгнув через отряд полицейских, блоха поскакала по Елисейским полям, перелетела через площадь Согласия и опустилась на лужайке в саду Тюильри.

Профессор Вагнер уже знал о происшествии. Он поспешил отдать распоряжение поскорее убить вторую гигантскую блоху-самца. Если б и самец вырвался на волю, то было бы плохо. Что если бы эти блохи расплодились?..

Весть о страшном хищнике быстро облетела Париж. Улицы — как вымерли.

Жители баррикадировали окна, опасаясь, чтобы блоха не впрыгнула к ним в дом, разбив стекла. Вооруженные отряды гонялись за блохой, но она одним прыжком скрывалась от них. Аэропланы тоже ничего не могли поделать. Не бросать же бомбы над городом!

А блоха очень хорошо чувствовала себя в городе. Человеческая кровь ей понравилась гораздо больше чем коровья, которой кормила ее в заключении. И она продолжала свои налеты.

Париж был напуган. Блоха превратилась в какого-то чудовищного Минотавра, требующего человеческих жертв. Но не было героя Тезея¹⁾, который освободил бы город от страшилища. Кандидаты в Тезея являлись. Но им не удавалось убить блоху.

Многие начали поговаривать, что во всем виноват Вагнер, что, может быть, он даже со злым умыслом вырастил и пустил на Париж такую блоху. Вот и немцы начали нос задирать. Это не простая блоха...

А Вагнер не спал — ведь он никогда не спит — и думал обеими половинками мозга, как бы поправить свою ошибку. Очень все вышло неприятно, и Воронов смеется.

Мэр города Парижа вызвал Вагнера к себе и говорит ему:

— Наше терпение истощилось. Даю вам двадцать четыре часа на удаление блохи. Мы и так стали ужасно малокрылые от блохи.

— Давить блох. — отвечает Вагнер, — это не моя специальность. а как поймать блоху. я могу дать совет. Блоху поймают только человек, который сможет сам прыгать, как блоха. Я придумал такие инструменты. чтобы человек мог прыгать по-блошиному. Поедем на Марсово поле, я вам покажу.

Поехали. Профессор Вагнер привез с собой чемодан, а в чемодане лежат ка-

¹⁾ Минотавр — мифическое чудовище, полубык-получеловек, скрывавшийся в Лабиринте на острове Крите, которым правил царь Минос. Минотавр питался мясом преступников, а также пожирал ежегодно семь юношей и столько же девушек, приславшихся афинянами в дань критскому царю. Убит был Минотавр Тезеем — мифическим афинским царем и героем.

кие-то пружины и красный костюм, похожий на клопа.

— Вот эти пружины, — говорит Вагнер. — надо привинтить к рукам и ногам, а костюм из резины, пневматический, надевается на тело, чтобы не расшибится, если без привычки упадешь на бок или на спину. Кто хочет попробовать?

— Я!.. И я!.. Я!..

Вагнер выбрал одного. Надел на него резиновый костюм, к подошвам и ладоням пристроил ремешками дощечки с большими спиральными пружинками, в роде матрацных, поставил человека на четвереньки и надул красную резиновую оболочку. Получился прямо гигантский клоп. напившийся крови.

— Прыгайте! — говорит Вагнер.

Молодой человек поднял передние лапы, скакнул, опрокинулся на спину, раза два подскочил и лежит на спине, как жук, лапами машет.

— Не могу, — говорит, — с земли подняться. Лучше с высоты.

Перевернули клопа, принесли три стола, поставили друг на дружку, а на него посадили клопа.

— Прыгай!

Прыгнул клоп, взвился вверх и опять на спину. Раз, другой, третий подпрыгнул — лежит.

— Ничего, научится, — успокаивает Вагнер.

И опять отнесли клопа на стол. И что же наловчился-таки клоп. Прыгнул, ударился на все четыре лапки и взвился вверх — что твоя блоха — выше дома. Опять ударился пружинами о землю и еще выше подпрыгнул.

— Bravo! — кричат.

А он, когда в третий раз на землю опустился, вдруг сам кричит:

— Как же я теперь остановлюсь? — и упрыгнул.

И правда. Вот задача! Прыгать-то он может, а остановиться не умеет.

— Держите меня! — кричит.

Побежали за ним, да где там! В три прыжка все Марсово поле пролетел.

— Пропал мальчишка! Теперь так и будет прыгать вокруг земного шара...

Однако, на свое счастье, он в реку Сену угодил. До дна нырнул, потом резиновый пузырь на спине вынес его, а люди выловили.

Как ни плохо пришлось смельчаку, от блохи еще хуже приходилось. И молодой человек, а за ним и другие молодые люди начали учиться прыгать по блошиному и скоро большого искусства достигли. Даже в строю могли прыгать. Очень это военному министру понравилось.

— Новый род войск, — говорит, — прыгуны! Через окопы очень легко могут перепрыгивать.

Стали прыгуны за блохой охотиться. Извели ее вконец. Из Парижа выгнали. Пить-есть не давали, все гнали. Подохла блоха в Аржантейле. И двадцать молодых «Тезеев» несли в Париж шкуру «Минотавра».

На радостях президент наградил профессора Вагнера орденом Почетного Легиона.

— Только, — говорит, — улетайте из Парижа с первым же аэропланом!..

(Рассказ записан со слов двух лиц — гг. Н. А. П. и К. Е. Н. Они рассказывали почти одновременно, перебивая и дополняя друг друга, — отсюда некоторая невыдержанность стиля.)

* * *

Замечание профессора Вагнера:

«Опять выдумки! Со мной этого не было. Но нечто подобное я читал несколько десятков лет назад в каком-то журнальчике. Мне, кажется, начинают приписывать легендарные подвиги.

«Предположение, что если бы блоха была ростом с человека, она могла бы прыгать через высочайшие дома, — совершенно не верно: упускается из виду, что притяжение земли увеличивается прямо пропорционально массе тела или пропорционально кубу линейного увеличения. Несмотря на всю анатомическую приспособленность блохи к прыжкам, увеличенная до человеческого роста блоха прыгала бы почти так же, как человек, или чуть-чуть выше.

«У меня есть один проект относительно прыгания, но совсем в другом роде. Я думал о прыгании через пропасти и реки автомобилями и даже поездов, которым сообщался бы известный разгон путем переустройства профиля пути. Мостов не нужно будет делать. Принцип аме-

риканских гор. Почему бы не устроить такой прыжок вагонов через Ламанш? Может быть, это было бы выгоднее, чем постройка туннеля под Ламаншем. Я уж присмотрел и местечко: самое узкое место канала — всего тридцать три километра. Берега крутые, скалистые. Мне только некогда заняться подсчетами. Собираюсь лететь на Новую Землю.

Если будут спрашивать, зачем, говорите: разводите страусов.

Ваш Вагнер».

Разводить страусов! Это, конечно, шутка. Быть может, из таких шуток профессора, принятых всерьез и дополненных воображением, и возникли апокрифические рассказы о его изобретениях...

Человек-термо

Рубцов — это я. Илья Ильич. Двадцать четыре года от роду. Румян, весел, подвижен. Товарищи называют меня Чижиком.

Товарищи — это Пронин Иван и Дашкевич Казимир, он же Казя. Пронин похож на меня, он так же молод, весел и подвижен. А Дашкевич даже на самого себя не всегда бывает похож. Он как весенняя погода: то дождь, то снег, то солнышко, то тучи, то тепло, то холодно — всего понемножку. Казя — высокий, худощавый, угловатый. Он здоров, но мнителен и часто находит в себе несуществующие болезни.

Судьба забросила нас очень далеко — на острова Новой Земли. Мы работали радистами на метеорологической станции. Для меня Новая Земля была самой новой. Для Дашкевича новость Новой Земли значительно устарела. Казе надоели однообразные «кино-сеансы» северного сияния, надоели морозы, зимы без солнца.

— Довольно, три года отдежурил, — говорил он, — и basta! С первым же пароходом я уезжаю отсюда. А если какой-нибудь гидроплан случайно навестит нас, непременно улечу. Я болен. Я совершенно разбит. Меня лихорадит. У меня ломит все тело, как будто...

— Как будто тебя «дружески обнимал белый медведь». Слыхали. Не повторяйся, Казя! — сказал Пронин. — Ты уже третий день киснешь. Пойди к профессору Вагнеру, он, наверно, вылечит тебя.

— Вагнер не медик, — ответил Казя.

— Профессор Вагнер — энциклопедист, всеобъемлющий ум. Пойти к нему, и он очень быстро излечит твою болезнь. Вот Чижик проводит тебя.

Дашкевич нерешительно посмотрел на меня, вздохнул и сказал:

— Нянек мне не нужно. Дойду и сам... А ну как Вагнер меня прогонит! Скажет: я вам не доктор...

Пронин схватил шапку Дашкевича и нахлобучил ему на голову. В то же время я накинул Казе на плечи доху, Пронин раскрыл дверь, и мы вытолкнули нашего товарища на сорсагаградусный мороз. Покончив с этим человеколюбивым деянием, мы уселись за аппараты и углубились в работу. Я принимал, а Пронин отправлял метеорологические бюллетени.

Прошел час, а Дашкевич все еще не возвращался. Профессор Вагнер жил недалеко от нас, всего в десяти минутах ходьбы. Пора бы Дашкевичу вернуться. Я уже начал беспокоиться. Волновался и Пронин.

— Трудный случай, — сказал он. — Сам Вагнер, очевидно, затрудняется поставить диагноз. Видно, всерьез заболел наш Казя...

В это время замерзшая дверь ужасно затрещала, заскрипела и открылась. Клубы пара на мгновение наполнили всю комнату, и, когда они рассеялись, мы увидели нашего друга, вышедшего из морозного облака, как Венера из морской пены. Мы внимательно смотрели друг на друга: Дашкевич на нас — с загадочной насмешливостью, мы на него — вопросительно.

Наконец Пронин не выдержал и спросил:

— Был?

Дашкевич с той же загадочной улыбкой молча кивнул оловой.

— Вылечил?

Дашкевич не отвечал. Лицо его было очень красно, и он быстро и часто дышал. Очевидно, его лихорадка усилилась. Мне даже показалось, что от него пышет жаром, как от нашей железной печки, когда она накалена.

— Перелечил меня профессор Вагнер — со смехом ответил Дашкевич и быстро прошел в свою комнату.

— Скверно! — тихо сказал Пронин. — Если Вагнер не помог, то Дашкевичу не выжить...

Мы углубились в работу. Вдруг дверь из комнаты Дашкевича открылась, и из нее вышел он сам, но... в каком виде! Он был в спортивном бескостюме. Весь красный, словно только что парился в бане до седьмого пота, Дашкевич быстро прошел через комнату, не обращая на нас никакого внимания, открыл дверь... и вышел на сорокаградусный мороз.

Это было нелепо, неожиданно и страшно. Поступок Дашкевича был равносителен самоубийству. В несколько минут он отморозил себе руки и ноги и смертельно застудит легкие. Бедный Казя, он мог совершить это только в бреду! Однако, что же мы сидим? Надо бежать на помощь пока не поздно! Я быстро поднял-

Над местом, где стоял Казя, поднимался целый столб пара...

ся и начал одевать свою доху. От волнения никак не мог попасть рукою в рукав. Пронин уже оделся и помог мне.

— Скорей, скорей! — Мы выбежали за дверь.

Стояла светлая лунная ночь. От дома дорога шла вниз, к небольшому озеру, из которого мы брали себе воду. На этой дороге мы увидели необычайный феномен.

По дороге медленно катился огромный шар из клубов пара. На морозе пар превращался в иней, который составлял как бы внешнюю подвижную оболочку шара. Лунный свет отражался на сверкающих кристаллах инея и давал радужные ореолы. Позади шара тянулся хвост из снежных хлопьев. Можно было подумать, что по дороге катится маленькая планетка, упавшая с неба вместе со своим атмосферическим одеянием. Но мы сразу поняли, что это за планетка: странный феномен оставлял на снегу ясные и довольно глубокие отпечатки босых человеческих ног. Это шел наш Казя, окутанный облаком пара, который валил от его разгоряченного лихорадкой тела.

«Быть может, этот пар, — думал я, — несколько охраняет тело Дашкевича от жгучего действия холода, совершенно так же, как атмосфера охраняет Землю от действия абсолютного холода межзвездных глубин. Но надолго ли Казя может хватить его внутреннего тепла? Оно улетучится из его тела прежде, чем Казя дойдет до озера?»

— Казя! Казя! Остановись! — кричали мы, преследуя облако, катящееся по дороге. Самого Казю мы не могли рассмотреть в этом облаке пара. Дашкевич ничего нам не ответил, но ускорил шаги. Маленькие снежные вихри закружились за ним. Он уже подбежал к берегу озера, ступил на лед, остановился и вдруг отчаянно закричал. Над местом, где он стоял, поднимался целый столб пара. Мы побежали на крик, вошли в молочный пар и осторожно, ощупью пробрались к тому месту, откуда слышался голос Дашкевича. Голос этот доносился снизу.

— Чорт возьми, лед растаял под ногами! — кричал Казя. — Я провалился и теперь не могу выбраться. Когда я хва-

таясь за край льда, лед тает и превращается в воду...

Я разглядел смутное пятно Казиной головы и схватил наугад руку. Да, это была рука, если только я не схватился за горящую головню: жар этой руки ощущался даже сквозь мою меховую рукавицу. «Однако, какова же должна быть температура его тела?» — с удивлением подумал я.

Мы вытащили нашего друга на берег. Из ледяной ванны на сорокаградусный мороз! Но несчастный Казя в бреду и огне лихорадки не чувствовал холода и опасности. Он встряхнулся, как медведь, вылезший из воды, и побежал от нас вдоль озера. Ему легко было бежать. Он бежал по утопанной дороге со скоростью собаки, мы в наших меховых костюмах не могли догнать его. Скоро блестящий шар нашего «парового» друга свернул на бугре и скрылся,

Что делать? Бежать следом за Дашкевичем? Но мы не могли надолго оставить радиостанцию. В нашей работе и так произошел перерыв. Мы решили, что один из нас должен отправиться работать, а другой займется поисками сбежавшего больного. Но так как Дашкевич был сильнее каждого из нас в отдельности, то мы решили пригласить на помощь профессора Вагнера. Пронин поспешил на радиостанцию, а я помчался к Вагнеру.

— Что вы сделали с нашим другом? — спросил я Вагнера.

Профессор посмотрел на меня одним глазом и ответил, не отрываясь от лампового передатчика:

— Я ничего ему не сделал плохого. А что наш больной? Как он себя чувствует?

— Сбежал! — поспешно ответил я. — Сбежал, когда у него, вероятно, не менее сорока градусов температуры. Голый сбежал!

Профессор Вагнер улыбнулся.

— Хорошая штука? — спросил он, указывая на аппарат. — Такой конструкции вы еще не встречали.

Аппарат был действительно занятный, но мне было не до него.

— Коротковолновик? — небрежно спросил я и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Послушайте, профессор, оставьте

ваши опыты и помогите мне поймать и вернуть нашего убежавшего друга, пока он не погиб окончательно.

— При обычном порядке вещей, — ответил Вагнер, не двигаясь с места, — товарищ Дашкевич должен был давно погибнуть. И нам оставалось бы только разыскивать его мертвое обледеневшее тело. Но так как товарищ Дашкевич чувствует себя превосходно...

— Откуда вы это знаете?

— Из ваших же собственных слов. Ведь Дашкевич не погиб даже покусавшись в озере. Он дышит парами, как паровоз, и гуляет в трусиках за Полярным кругом, как будто он на пляже в Крыму. Не беспокойтесь о вашем Казе, садитесь вот сюда и слушайте. Ведь вы сами интересовались что я сделал с Дашкевичем.

— Но, профессор, теперь не время...

— Самое время! Садитесь же. Уверю вас, что с Казей ничего плохого не случится. Опыт удался.

— Опять опыт? — удивленно спросил я.

— Ну, разумеется.

Вагнер неожиданно сжал мою руку у локтя. Я вскрикнул.

— Больно? Я так и думал. У вас болят суставы, когда вы работаете с регенеративным приемником. Чувствуете повышение температуры. Ну, конечно. Действие коротких волн. Мы открыли радио, но еще совершенно не изучили характера этого зверя. То, что мы знаем о радио, это еще только детский лепет. Наши знания и область применения радио расширяются с каждым днем. Вы знаете, что короткими волнами сейчас начали пользоваться врачи для лечения некоторых болезней, искусственно поднимая радиоволнами температуру тела больных. И вот мне пришла в голову мысль: а почему бы не отапливать искусственно человеческое тело при помощи коротких радиоволн?

— Но ведь человеческое тело естественно отапливается, — сказал я.

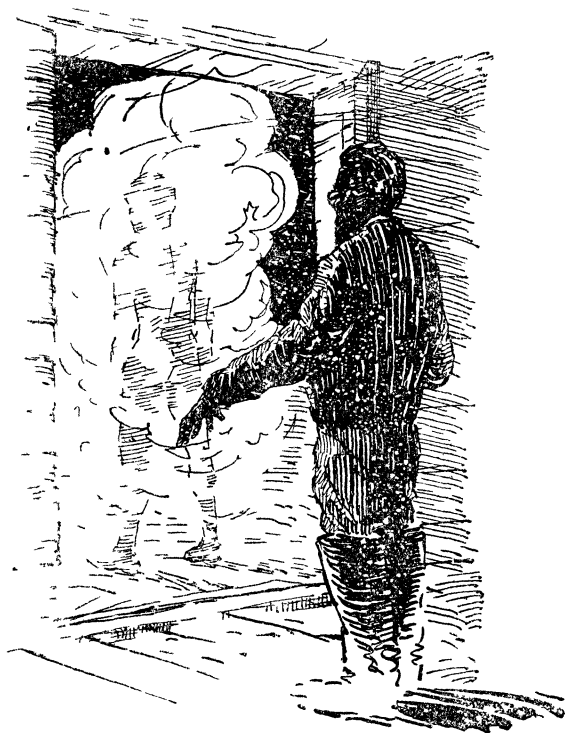
— Да, но этого недостаточно. Здоровый человек обладает автоматическим изменением температуры всего в пять-семь десятых градуса в продолжение суток. На болезнь организм человека реагирует повышением или понижением температуры на два-три градуса против

нормы. Крайние пределы колебаний составляют всего шесть-семь градусов.

— Устойчивость нашей температуры — большой прогресс, — сказал я. — Не потому ли вымерли многие крупные животные, что они были хладнокровными, — их кровь имела почти одинаковую температуру с окружающим воздухом?

— Моя мысль не противоречит вашей. Выслушайте меня до конца. Вы знаете, каковы крайние температурные пределы жизни человеческих организмов. Простейшие организмы переносят очень низкие температуры и могут быть возвращены к жизни. Без особой погрешности можно сказать, что даже стоградусный холод не является вполне смертоносным для живых существ. Жар как будто переносится труднее: при температуре свыше пятидесяти пяти градусов Цельсия белки свертываются. Но обезвоженные белки, например, куриный, могут переносить температуру даже в сто шестьдесят — сто семьдесят градусов выше нуля. Так вот я поставил себе задачей расширить пределы колебания температуры человеческого тела, подчинить эти колебания воле человека и, конечно, сделать их безвредными для организма. Каждое теплокровное животное имеет свою более или менее постоянную температуру. у человека она равна 37° , у обезьяны — 38° , у лошади — 39° , у быка — $39,7^{\circ}$, а у голубей и кур даже $42,5^{\circ}$. Это постоянство имеет свои неудобства, и человек должен преодолеть их. Биологический прогресс не закончен. Человеческий организм должен выработать в будущем идеальный регулятор температуры.

Мы не знаем, какова была температура тела пещерного человека, но она была, конечно, выше, чем у современного человека. Теплые жилища и костюмы еще более способствовали понижению температуры тела. Это уже прогресс. Человек должен обладать идеальным отоплением тела. И тогда климат не будет иметь для него никакого значения. Такой «человек-термо» будет в состоянии отправиться в спортивных трусиках на Северный полюс, не ощущая никакого холода, а на экваторе он будет прохладиться в знойных песках пустыни. Вы понимаете, какие перспективы это

«Когда вы пойдете, пар не будет вам мешать», — сказал Вагнер.

откроет для человечества. Домов не нужно будет строить. Одежды не надо. Жилищного кризиса не существует. Вы можете спать на ледяном поле даже без рубашки...

— Но я могу растопить свою «кровать» и провалиться в воду, как это было с Дашкевичем.

Вагнер внимательно выслушал мое замечание.

— Необходимо, — сказал он, — обуваться в туфли или галоши, чтобы не проваливаться.

— Значит, без наряда все-таки не обойтись?

— Впоследствии можно будет регулировать температуру отдельных частей тела. Ведь и сейчас у нас не все части тела обогреваются одинаково. Концы ног могут быть холодными, а туловище — горячим.

— И вот таким «человеком-термо» вы сделали Дашкевича?

— Не совсем. Самопроизвольное регулирование температуры тела — это музыка очень отдаленного будущего. Даш-

кевича я сделал искусственно «человек-термо», повышая его температуру при помощи коротких радиоволн. В этом, собственно, нет еще ничего необычайного. Радиоволны сами повышают температуру тела даже тогда, когда мы не желаем этого. Моя задача сводилась к тому, чтобы найти средство расширить границы изменения температуры, не причиняя организму вреда. Вы видели Дашкевича. Как он себя чувствует?

— Повидимому, хорошо. Но он очень усиленно, часто и глубоко дышит. И от него валит такой пар, словно он из жаркой бани выбежал на морозный воздух.

Вагнер кивнул головой.

— При повышении температуры тела и при охлаждении тела действием наружного воздуха потребление кислорода увеличивается. Дашкевичу приходится усиленно работать легкими, чтобы снабжать клеточные ткани кислородом. Но одними легкими трудно доставить организму нужное количество кислорода, и на помощь приходит дыхание кожи. Ведь она тоже дышит всеми пятнадцатью тысячами квадратных сантиметров своей поверхности. Вот почему Дашкевич отправился на прогулку голым: мороз не страшен ему, а обнаженное тело лучше может справиться с кожным дыханием. И суда по выделяемому Дашкевичем пару, он дышит кожей великолепно. Все в порядке... Не хотите ли последовать примеру Дашкевича? Я могу и из вас сделать «теплого парня» — «человека-термо», — и вы отправитесь на поиски вашего друга в купальном костюме, только в галошах и с одеялом под-мышкой. О питании вы можете не заботиться. Вам не надо будет варить пищу: ваш желудок будет иметь достаточную температуру, чтобы в лучшем виде сварить сырую и даже мороженую рыбу. Вам нужно будет заботиться только об одном — чтобы идти в полосе радиоионизации. Я буду действовать направленными радиоволнами. Можете взять с собою компас. Я укажу направление. Желаете проделать опыт? Уверю вас, вы не подвергнетесь никаким неприятностям. Вам необходимо будет только приготовить свой организм. Я введу вам в кровь изобретенный мною раствор солей. Согласны вы на это?

— Да, но мне скоро надо сменять Пронина.

— Я подежурю за вас на радиостанции. Не беспокойтесь. Мы с Прониным справимся, а вы отправляйтесь за Дашкевичем. Вам не трудно будет найти его, так как подобно вам он не будет выходить из полосы радиоизлучения. Повторяю: Дашкевичу мороз не страшен, и ваш друг не простудится, но все же я буду спокойнее, если вы найдете его и приведете домой. Он ушел без оружия. На него могут напасть медведи, их немало шляется в здешних местах. Так по рукам?

Через несколько минут я уже стоял в трусиках посреди комнаты.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Вагнер.

— Как будто мое тело начинает наливаться огнем. Ужасно жарко!

— Привыкнете. Дышите глубже и чаще. Это у вас скоро войдет в привычку. Сердце? Дайте послушаю. Пульс? Сто. Теперь это нормально. Я вам до двухсот его догоню. Уж поистине, небу жарко станет! Ну, марш! Отправляйтесь!

Вагнер широко открыл дверь, впустив клубы холодного пара. Мне было немного жутко, но я поборол нерешительность и вышел на улицу. И тотчас же пар окутал меня.

— Я ничего не вижу, — сказал я, беспомощно поворачиваясь.

— Когда вы пойдете, пар не будет вам мешать, — сказал Вагнер. — Добрый путь!

С одеялом под-мышкой, в резиновых галошах, я пошел по дороге, поглядывая на компас, поднесенный к самым глазам. По всему моему телу и по лицу струился горячий пот.

Собаки нашего маленького поселка, увидав странное зрелище, отчаянно залаяли и затем в паническом ужасе убежали от меня. «Если и звери будут так же бояться меня, это не плохо», — подумал я, спускаясь к озеру.

Луна уже несколько дней не заходила за горизонт, она кругами ходила по небу, наполняя призрачным светом полярную ночь. Вагнер был прав: когда я шел, пар не очень мешал мне видеть. Я следил за отпечатками ног Дашкевича на льду вдоль берега озера. Бедный

Дашкевич! Ему без галош, вероятно, нелегко ходить. Там, где он останавливался, следы углублялись: горячие ноги расплавляли лед. И Дашкевичу приходилось идти, итти не останавливаясь, по крайней мере, над озерами и реками.

Странное дело: я не прошел и часа как почувствовал адский голод и

Медведица взошла лапу в окно и начала ломать стенку...

жажду. Благодаря высокой температуре в моем организме происходило усиленное сгорание, и организм требовал топлива, то-есть еды. Да, я мог не беспокоиться о приготовлении горячей пищи: мне было достаточно сырой рыбы.

Я сошел на озерный лед, расстелил одеяло, лег и положил руку на лед. Скоро лед начал таять, а рука все глубже уходила в лед. Мне пришлось опустить руку почти до плеча, прежде чем пальцы коснулись воды. К проделанной мною отдушине скоро приплыло множество рыб. Я прямо хватал их руками и поедал сырым. Никогда в жизни я столько не ел. Удивительно, как только мог выдержать мой желудок!

И я пил, пил без меры. Но этому не приходилось удивляться. Я читал, что человек под тропиками, работая на солнце, выделяет в сутки через потовые железы до двенадцати литров воды и таким образом освобождает количество тепла достаточное для нагревания шести тысяч пятисот литров воды на один градус. Некий естественный регулятор тела очевидно, путем выделения воды

пытался понизить температуру до нормальных тридцати семи градусов. Усиленное же выделение пота вызывало повышенную жажду.

Насытившись и напившись, я пошел дальше, но скоро опять почувствовал голод и жажду, снова принялся за рыбную ловлю, съел вдвое больше прежнего и выпил чуть ли не пол-озера. Я сделался прожорлив, как выхухоль, съедающий каждый день столько пищи, сколько весит его тело. Интересно, чем питался Дашкевич, который должен был обладать таким же чудовищным аппетитом, как и я? Дашкевич не имел галош и одеяла, как мог он ловить рыбу? Однако скоро я заметил яму на берегу и дыру, уже полузамерзшую, в озерном льду. Очевидно, осторожный Дашкевич расплавлял снег и лед до земли и осторожно подползал к краю берега. Да, ему было трудненько добывать пищу. Надо поспешить к нему на помощь.

Я быстро шел вдоль озера. Следы босых ног Дашкевича были ясно видны. Он, как и я, шел по компасу. Луна светила ярко. Она медленно подвигалась на небе, делая круг над моей головой, словно желала посмотреть со всех сторон на необычайное зрелище — катящийся по земле паровой шар.

Кругом было пустынно и тихо. Только мое шумное дыхание нарушало тишину, как тяжелые вздохи паровоза на одинокой, заброшенной степной станции.

Ледяная равнина тянулась без конца, а Дашкевича все не было видно. Я начал уставать, и мне хотелось спать. Судя по положению луны, уже давно наступила полночь. Надо было думать о ночлеге. Я шел, выбирая подходящее местечко. На севере горизонт потемнел. Оттуда шла туча. И звезды при ее приближении словно падали в огромный черный мешок и исчезали. Вот черный бердень тучи собрал звезды с полунеба и подобрался к луне. Еще немного, и луна оказалась проглоченной темной пастью тучи. Настала тьма.

Пошел снег. Но, падая на горячую паровую оболочку, окружавшую меня, хлопья снега превращались в капли дождя, и они падали на мои обнаженные плечи и спину, как на раскаленную плиту, и превращались в пар, а с ног сте-

кали на землю горячим потоком. Да, как это ни странно, находясь за Полярным кругом в студеную зимнюю ночь, я попал под влажный тропический ливень. Но этот ливень существовал только для меня. Кругом бушевала мятель.

И как это бывает на севере, когда небо покрывается тучами, воздух потеплел. Температура с сорока градусов ниже нуля поднялась, вероятно, до пяти ниже нуля. Я же испытывал настоящую жару. Я не мог еще регулировать свою температуру. Короткие радиоволны нагревали меня так, что я чувствовал себя как в жгучий полдень под экватором. Капли дождя нагревались, прежде чем достигали моего тела, и не могли охладить ужасного жара. Я несколько раз бросался на землю, чтобы охладиться, и чувствовал, как погружаюсь в снег, который буквально плавился от моего разгоряченного тела.

Наконец снежный буран прекратился. Черный бредень тучи начал обратно вытряхивать звезды. Скоро выглянула луна. Я оглянулся назад и увидел сверкающую на пушистом снегу ледяную полосу, которую оставил замерзавший позади меня дождь, стекающий с моего тела.

Пора отдохнуть. Я разложил на снегу одеяло — оно было влажное от дождя — и растянулся на нем. Но я не рисковал простудиться: одеяло начало быстро высыхать, лишь только мое тело прикоснулось к нему; от одеяла пошел пар, как от влажного белья, которое гладят слишком горячим утюгом.

Я крепко уснул. Открыв глаза, я ничего не увидел: очевидно, тучи вновь затянули небо. Однако такой черной, непроницаемой темноты я еще никогда не видел. Внимательно осматриваясь, я наконец заметил звезду над самой моей головой. Что за странность! Как будто тучи покрывали все небо, за исключением маленького кружочка в зените. Я быстро поднялся и пошел вперед, но тотчас ударился о ледяную стенку. Повернул в сторону, сделал несколько шагов — опять стенка. Это было непонятно. Я хорошо помнил, что уснул на совершенно ровном и открытом месте, а теперь я находился в какой-то ледяной пещере.

Я пошел назад и упал в яму, которая находилась посреди пещеры. Дой-

дя до стены, я обошел пещеру вокруг. Стены были гладкие, ледяные и нигде не имели выхода. Ледяной пол пещеры имел покаты к центру и в центре — большую впадину. Вся пещера имела вид полушария с небольшим отверстием в потолке. Быть может, это жилище каких-нибудь местных жителей, которые нашли меня на льду и принесли к себе в юрту. Но эта юрта не имела ни дверей, ни окон, и притом в ней никого не было кроме меня.

Каким образом я мог попасть сюда? — Единственно только через отверстие в потолке. Оно находилось над моей головой на высоте четырех метров. Удивительно, как я не расшибся, если меня сбросили оттуда! Да, я в ловушке. В этой мышеловке я умру с голоду, если не выберусь отсюда. Но как? До дыры в потолке не долезть. Стены? Я постучал в стены. Они, видимо, были очень толсты. Непонятная история! Я сел на землю и начал тереть себе лоб. Подо мною не было одеяла, и я чувствовал, как мое тело медленно погружается в таявший подо мною снег. Внезапно я хлопнул себя по голове и расхохотался.

Ну, да, конечно! Все очень просто. Я сам засадил себя в эту тюрьму. Когда я уснул, мое горячее тело растопило снег вокруг меня. Несмотря на одеяло, я медленно погружался в снег, пока не оказался лежащим на каменистой почве, как бы в центре воронки. Пар, выходящий из моего тела, смерзался и падал вокруг меня инеем, образуя ледяное кольцо. Оно постепенно нарастало, превращалось в стенку, которая замкнулась сверху сводом. Горячее дыхание пробило в этом своде дыру совершенно так же, как в берлоге медведя, засыпанного снегом. Я оказался в центре ледяного купола. От теплоты моего тела стенки этого полушария подтаивали внутри и наращивались снаружи инеем, в который превращалась теплота, выходявшая из отверстия.

Это, однако же, удивительно! Я спокойно уснул на голой ледяной равнине, а проснулся в собственном ледяном доме, таком прочном, что ни один медведь не проникнет в него. Дом, который вырос самостройкой. Это очень удобно. К сожалению, архитектор не преду-

смотрел устройства двери. Впрочем, это дело поправимое.

Я подошел к ледяной стене самостройного дома и, согнув голову, прижал ко льду темя. От стенки повалил пар, и на землю потекла вода. Лед быстро таял. Скоро я почувствовал, что голова моя прошла сквозь стенку. Окно было готово. Я крутил головой, расширяя дыру, затем втянул голову назад и посмотрел наружу.

Передо мной была все та же снежная бесконечная равнина, залитая лунным светом. Я повернул голову налево, направо. Вдруг увидел невдалеке белого медведя. Нет, это медведица с двумя медвежатами.

Медведица подняла голову и расширенными ноздрями втягивала пар, выходящий из сделанного мною окна. Теплый мех и толстая шкура, очевидно не предохраняли медведей от действия направленной короткой радиоволны. От медведицы и медвежат валил густой пар. Звери испытывали непривычное и, видимо, неприятное чувство жара. Они мотали головой, тыкались носом в снег, поднимались на задние лапы и махали передними, как бы обдувая себя, потом вдруг валились на землю и начинали кататься в снегу. Медвежата ревели таким густым басом, какого нельзя было ожидать от младенцев их возраста хотя бы и медвежьего происхождения.

Вся почтенная семья, видимо, была очень голодна. И я был голоден не мень-

ше их. Мы с большим аппетитом смотрели друг на друга. Я хотел пообедать медвежатиной, они — человечинной. Ледяная стена разделяла нас, и мы могли только облизываться, глядя друг на друга. Пар, исходящий от моего тела, вероятно был необычайно приятен для обоняния медведицы. Она поднялась на задние лапы и всунула морду в окошечко. Я схватил ее за нос. Медведица заревела, отшатнулась от окна, но не убежала. Столь неделикатное обращение раздражило медведицу, а известно, что всякое раздражение у несложных натур только возбуждает аппетит. Плотно поглядывая на меня, медведица засунула лапу в окно и начала ломать стенку. Лед был довольно толстый, стена не легко поддавалась, однако, кусок за куском отлетал под могучими ударами, и дыра расширялась.

Дело принимало для меня скверный оборот. У медведицы было гораздо больше шансов пообедать мною, чем у меня — полакомиться медвежатиной. Надо было подумать о бегстве. Я подошел к противоположной стене и начал протаивать вторую дыру. Работа моя двигалась довольно успешно, но и медведица не теряла времени даром. Она работала уже двумя лапами. Еще немного, и дыра расширится на столько, что медведица в состоянии будет проникнуть в домик. И тогда конец...

Еще одно усилие, и моя голова вынырнула за стенку. Теперь надо расширить дыру: Я приложился плечами к ледяной стенке. Готово. Можно вылезать.

Но не успел я и наполовину продвинуться, как невольно вскрикнул и втянулся назад: передо мною стояла медведица. Хитрое животное поняло мой маневр. Медведица, видя, что я вылезая из домика, обжала вокруг и встретила меня оскаленными зубами.

Когда лакомый кусок уходит из-под носа, нос естественно следует за лакомым куском. Медведица попыталась последовать за мной. Но дыра была для нее узка, и медведица, всадив в дыру сразбега голову и правую лапу, завязла в окне. Временно она была лишена свободы. Этим надо было воспользоваться. Я выбрался наружу через первое оконце, расширенное медведицей, и побежал.

Медведица догоняла меня со своими медвежатами...

Нет, я не бежал, я летел со скоростью штормового ветра в десять баллов. Луна хорошо освещала мне путь. Я бежал по гладкой ледяной дорожке, оставленной дождем, стекавшим с моего тела во время снежной бури. Однако эта дорожка скоро кончилась, и я побегал целиной.

Я оглянулся назад. Далеко позади двигалась черная точка, а за нею — две поменьше. Медведица высвободилась из своего капкана и догоняла меня со своими медвежатами. Теперь шло состязание на скорость, а ставкой была сама жизнь. Успею ли я добежать до дома?.. Время от времени я оглядывался и с ужасом замечал, что преследовавшие меня точки все увеличивались. Скоро я уже мог различить фигуры белой медведицы и ее детенышей. От быстрого бега я задыхался. К тому же я давно не ел и ослаб от голода. Но страх придавал мне силы. Я уже приближался к озеру, находившемуся недалеко от нашего дома.

Если пересечь небольшой залив, то можно сократить путь. Но на беду во время этого бешеного бега я потерял галоши. Бежать же без галош через озеро по льду было очень опасно: я мог провалиться, как Дашкевич. И я решил свернуть в сторону. Но не успел я отбежать и десятка метров, как почувствовал жгучую боль в правой руке. Боль и ожог. Я не мог понять в чем дело и продолжал бежать. Еще несколько шагов направо, и меня охватил ледяной холод. Невольно я свернул влево, и опять благодетельное тепло разлилось по всему телу.

Несколько раз повторялось это ощущение. Когда я выбегаю из этого луча радиоволны, температура моего тела понижается до нормальной, и я начинаю испытывать окружающий холод. Температура же воздуха, должно быть, не менее тридцати градусов ниже нуля. Для голого человека — не шутка!

Я принужден бежать по прямому направлению. Но это прямое направление ведет меня через озерный лед. Я оглянулся назад. Пока я остановился и размышлял, медведица успела значительно нагнать меня. Она бежала ровной переваливающейся иноходью, как будто не быстрой, но очень спорой.

Я вновь пустился бежать. Вот и лед. Если бежать очень быстро, он не успеет подтаять... Бегу. Твердый лед под моими ступнями превращается в мягкую патоку. Нога уходит в жижу, затрудняя бег. Несколько раз ноги мои увязали по щиколотку. Хорошо еще, что лед толстый... А медведица приближается.

Теперь я бегу почти наравне с медведицей... Вот она обгоняет меня. Пересекает прямую линию между мною и домом. Я отрезан... Медведица приближается ко мне. Я бросаюсь в сторону и кричу, кричу во всю силу легких. Бегу по снегу зигзагами, поднимаясь по склону холма, на котором стоит наш дом. Медведица бежит за мной. Я принужден отклониться от прямого пути. Жгучий холод схватывает раскаленными щипцами мое тело. Но я бегу, бегу, задыхаясь, стуча зубами и дрожа всем телом. Я слышу за собой тяжелые шаги медведицы. Еще одно усилие... бр!.. Как холодно! В нескольких шагах от дома я попадаю в горячую струю радиоволны.. Дверь. Только бы она не была закрыта изнутри!.. Медведица возле меня. Она поднимается на задние лапы и хочет крепко обнять меня, как дорогого друга. Я открываю дверь и вбегаю в комнату. Падаю на пол и теряю сознание...

Медведица, очевидно, не тронула меня потому что я слышу, словно сквозь сон, голоса профессора Вагнера и Дашкевича, который, очевидно, вернулся раньше меня.

— Такого рода заболевание, конечно не может быть вызвано действием коротких радиоволн, — говорит профессор. — Товарищ Рубцов простудился. Ого! Сорок и три десятых.

«Как мог я простудиться? — думаю я. — Конечно, только выйдя из сектора направленной радиоволны. В этом главное неудобство искусственного отопления человеческого тела. Когда люди научатся произвольно регулировать свою температуру без внешних воздействий, тогда действительно можно будет безопасно гулять в костюме Адама вдоль Полярного круга».

(Рассказ записан со слов т. И. И. Р., недавно прибывшего с Новой Земли. Ответа от профессора Вагнера по поводу этого рассказа еще не получено.)